

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

№ 12

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1947 ГОДА
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

2023

МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

К 130-летию Николая Ивановича Жинкина

- Т.Г. Щедрина, Р.Ю. Сабанчеев, Е.П. Журавель** –
Н.И. Жинкин в философско-феноменологической «сфере разговора»:
трансдисциплинарность и интерсубъективность..... 5
- Е.И. Хан** – Н.И. Жинкин: от феноменологии к философии языка..... 12
- И.А. Карпенко** – Жинкин и Витгенштейн: действительность и язык..... 19

Философия, культура, общество

- Г.Б. Шамилли** – Надындивидуальные механизмы языка и музыки:
три шага к формулировке гипотезы..... 25
- С.Ю. Бородай** – К вопросу о связи структуры языка
и логико-смысловых конфигураций..... 37
- А.В. Смирнов** – Логико-смысловое исследование арабского языка:
вопросы словообразования..... 50
- Д.И. Земцов** – «Третья миссия» университета? Модель университета
как элемент проекта общественного развития..... 65
- Л.В. Вуячич** – Человеческое тело в антропологическом дискурсе.
Социальный контроль над телом..... 76
- Го Сяоли** – «Индивид», «человек», «великая целостность» –
понимание терминов в китайской культуре..... 82

Философия и наука

Б.И. Пружинин, Р.В. Псху – Методы исследования классического философского текста в индийской и европейской мыслительных традициях.....	93
В.М. Розин – Методология: историческое понимание и новый старт.....	103
И.А. Рыбакова – Время и возможность в современной философии естествознания.....	114
С.С. Мерзляков – Сознание: между психопатией и шизофренией.....	125
В.Г. Лысенко – Познание сознания животных как способ самопознания человека.....	137

Из истории отечественной философской мысли

К.Ю. Бурмистров – Русские философы в Китае в первой половине XX в.	155
В.Л. Махлин – Единственный среди многих: М.М. Бахтин и смена парадигм в гуманитарном познании.....	169

История философии

И.А. Михайлов – Региональные онтологии: происхождение и смысл проблемы.....	180
Т.П. Лифинцева – «Отрешенность» и «сакшин» (наблюдатель): мистицизм Майстера Экхарта и ведической школы санкхья.....	192

Научная жизнь

О.А. Жукова – Актуальность наследия Ю.М. Лотмана: итоги юбилейного года.....	203
Р.А. Куренкова, А.В. Семенович – Обзор Третьего Российского эстетического конгресса: послесловие к научному событию.....	212

Критика и библиография

А.Н. Данилов – ВОДОПЬЯНОВ П.А. На переломе эпох: выбор стратегии созидания будущего.....	217
И.Ф. Кефели, Д.И. Кузнецов, И.К. Лисеев, О.В. Плебанек – Сквозь пласты времени, или «Философский пароход» как новый бренд России (ЧУМАКОВ А.Н. «Философский пароход»: 100 лет без покаяния).....	219
Contents.....	222

CONTENTS

To the 130th anniversary of Nikolai Ivanovich Zhinkin

Tatiana G. Shchedrina, Rustam Yu. Sabancheev, Evgeny P. Zhuravel – N.I. Zhinkin in the Philosophical and Phenomenological <i>Sphere of Conversation</i> : Transdisciplinarity and Intersubjectivity.....	5
Kate I. Khan – N.I. Zhinkin: from Phenomenology towards Philosophy of Language.....	12
Ivan A. Karpenko – Zhinkin and Wittgenstein: Reality and Language.....	19

Philosophy, Culture, Society

Giula B. Shamilli – Supra-Individual Mechanisms of Language and Music: Three Steps to Formulate a Hypothesis.....	25
Sergey Yu. Boroday – On the Relationship between Language Structure and Logical-Sense Configurations.....	37
Andrey V. Smirnov – Logic-and-meaning Study of Arabic Literary Language: Morphogy vs. <i>ishtiqaq</i>	50
Dmitry I. Zemtsov – The <i>Third Mission</i> of the University? University Model as an Element of the Society Development Project.....	65
Lidija V. Vujacic – The Body in Anthropological Discourse. Social Control of the Body.....	76
Guo Xiaoli – Individual, Human, Great Whole – Understanding of Terms in Chinese Culture.....	82

Philosophy and Science

Boris I. Pruzhinin, Ruzana V. Pskhu – Methods for Studying Classical Philosophical Texts in Indian and European Thought Traditions.....	93
Vadim M. Rosin – Methodology: Historical Insight and a Fresh Start.....	103
Irina A. Rybakova – Time and Possibility in the Modern Philosophy of Natural Science.....	114
Sergei S. Merzliakov – Consciousness: between Psychopathy and Schizophrenia.....	125
Viktoria G. Lysenko – Cognition of Animal Consciousness as a Way of Human Self-cognition.....	137

History of Russian Philosophy

Konstantin Yu. Burmistrov – Russian Philosophers in China in the First Half of the 20th Century.....	155
Vitaly L. Makhlin – The Only One Among Many: M.M. Bakhtin and the Change of Paradigms in Humanitarian Knowledge.....	169

History of Philosophy

Igor A. Mikhaylov – Regional Ontologies: the Origin and Meaning of the Problem.....	180
Tatyana P. Lifintseva – Detachment and Sākṣī (the Observer): Meister Eckhart's Mysticism and Sāṃkhya Darśana.....	192

Scientific Life

Olga A. Zhukova – The Relevance of Yu.M. Lotman's Legacy: the Conclusion of the Jubilee Year.....	203
Rimma A. Kurenkova, Alexander V. Semenovich – Review of the Third Russian Aesthetic Congress: Afterword to the Scientific Event.....	212

Book Reviews

Alexander N. Danilov – VODOP'YANOV, Pavel A. (2023) <i>On the Turning Point of Epochs</i> : <i>the Choice of Strategy in Creation of Future</i>	217
Igor F. Kefeli, Dmitriy I. Kuznetsov, Igor K. Liseev, Olga V. Plebanek – Through Layers of Time, or "Philosophers' Ship" as a Russian New Brand (Review on the Book: CHUMAKOV, Aleksandr N. (2022) "Philosophers' Ship": 100 Years without Repentance.....	219

Логико-смысловое исследование арабского языка: вопросы словообразования*

© 2023 г.   А.В. Смирнов

Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

E-mail: public@avsmirnov.info

Поступила 31.08.2023

Один и тот же объект – арабский литературный язык (АЛЯ) – выстраивается как два целиком различных предмета в теориях, созданных в научной рациональности двух типов: в арабской языковедческой традиции (АЯТ) и европейской лингвистике (ЕЛ). Презумпция возможности универсального описания языка «как такового» или, в более мягком варианте, языка в его подлинности, «как он есть», разделяемая наукой и философией, неверна и должна быть отброшена. О ее ложности свидетельствует уже тот факт, что системы описания АЛЯ в АЯТ и ЕЛ не совпадают ни в чем, поскольку используют целиком различные инструменты рациональности, а именно – системы категорий и логику предикации, процессуальную и субстанциальную. Каждая из теорий этих двух типов может быть развернута в целостный дискурс после исходного задания минимального сегмента звукового субстрата речи и логики его наращивания в сложные единицы. И то, и другое (задание исходного «атома» и логики его умножения) напрямую определено инструментами рациональности, которые используют АЛЯ и ЕЛ. Хотя язык – особый предмет описания, поскольку является продуктом коллективного разума, выводы проведенного исследования носят общий характер. Они заключаются в том, что нет абсолютных инструментов разума, а потому никакой объект исследования не может быть взят как таковой, как инвариантный объект, он всегда полагается как вариативный предмет. Любая научная теория должна эксплицировать «с нуля» инструменты рациональности, которыми пользуется, учитывать их решающее влияние на конструирование предмета исследования и допускать полагание того же объекта как альтернативного предмета исследования средствами другой рациональности.

Ключевые слова: арабский литературный язык, арабская языковедческая традиция, словообразование, корень, морфема, иштикак, вазн.

DOI: 10.21146/0042-8744-2023-12-50-64

Цитирование: *Смирнов А.В.* Логико-смысловое исследование арабского языка: вопросы словообразования // Вопросы философии. 2023. № 12. С. 50–64.

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01509, <https://rscf.ru/project/22-28-01509>

Logic-and-meaning Study of Arabic Literary Language: Morphogy vs. *ishtiqaq**

© 2023   Andrey V. Smirnov

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.*

E-mail: public@avsmirnov.info

Received 31.08.2023

The same object – the Arabic literary language (ALA) – is represented as two completely different subjects of study in theories based on the two different types of rationality, namely, in the Arabic linguistic tradition (ALT) and in European linguistics (EL). The presumption of the possibility of the universal description of language “as such”, or, in a milder version, of language “as it is”, shared by EL and philosophy, is incorrect and should be discarded. The evidence of its falsity is the fact that the description and analysis of ALA in ALT and EL coincide in nothing, since they use basically different tools of rationality, namely, category systems and predication logics (process and substance logic respectively). Each of those two types of theories generates a detailed discourse on ALA after they define the initial atomic minimum of the sound substrate of speech and the logic of building up complex units. Both (the task of setting up the initial “atom” and the logic of its multiplication) are directly determined by the tools of rationality that ALA and EL use. Language is a specific object of study, being a product of the collective mind, yet the conclusions of this study are general. No rational instrument is absolute and none can be applied unrestrictedly, and therefore no object of research can be taken “as such”, as an invariant object, it is always posited as a variable subject. Any scientific theory should explicate “from scratch” all the tools of rationality that it uses, take into account their decisive influence on the construction of the subject of research and allow the same object to be considered as an alternative subject of study by means of an alternative rationality.

Keywords: Arabic literary language, Arabic linguistic tradition, morphology, root, stem, morpheme, *ishtiqaq*, *wazn*.

DOI: 10.21146/0042-8744-2023-12-50-64

Citation: Smirnov, Andrey V. (2023) “Logic-and-meaning Study of Arabic Literary Language: Morphogy vs. *ishtiqaq*”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 12 (2023), pp. 50–64.

Язык – продукт коллективного разума. Утверждение Витгенштейна о невозможности индивидуального языка неверно, если язык рассматривается как знаковая система: индивидуальные знаковые системы вполне возможны, даже если это – шифр естественного языка. Но это утверждение верно, если язык – не столько система знаков, сколько способ установления связности. О том, к каким типам связности дает нам доступ язык, шла речь в статье [Смирнов 2023]. Но достаточно указать хотя бы на связь субъекта и предиката, подлежащего и сказуемого. На способности устанавливать такую связность, когда два суть одно и наоборот, стоит и способность суждения, которую Кант полагал инвариантной, и логика, которая была бы невозможной без операции

---

* The research was done at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 22-28-01509, <https://rscf.ru/project/22-28-01509>

отнесения к множеству или же утверждения «А есть Б», и наша речь: мы говорим предложениями, а не словами. Арабский язык не только не обойден вниманием семиологов, но и служит особым предметом изучения. Тогда как же с вопросом о сердцевине языка как средства установления связности: как с вопросом о связочной функции, о способе связывания подлежащего и сказуемого, субъекта и предиката? Оказывается, «в отличие от европейской семитская речь не имеет прочной связи членов предложения и пользуется преимущественно кладкой речевых единиц друг за другом» [Юшманов 1928, 97]; «никакого связочного глагола [в арабском] нет: подлежащее утверждается, а сказуемое попросту ставится рядом» [Badawi et al. 2015, 348]. Простая последовательность («кладка друг за другом»); и спустя 90 лет, как итог блестящего развития арабистики, – сказуемое «просто рядом (juxtaposed)» с подлежащим...

Это говорит само за себя. Успехи сравнительно-исторического метода в европейском языкознании поразительны. Но это – одно; а изучение языка как продукта коллективного разума, то есть изучение разума через изучение языка – это совсем другое. Развитый арабский литературный язык (АЛЯ), стержневой для высокоразвитой арабомусульманской цивилизации, сверхразвитая теория языка – арабская языковедческая традиция (АЯТ), создавшая начиная с VIII в. десятки блестящих, в том числе многотомных, трудов – и всё это «без прочной связи», по принципу «просто рядом»: как же тогда способность суждения, как же логика и связная речь? Такие поразительные утверждения означают, что работа попросту не начата, что архив большой арабомусульманской культуры не прочитан в части АЯТ и АЛЯ¹. Причина такого небрежения – не невнимание, а догматическое представление об одновариантности разума, о его представленности исключительно тем вариантом, что развернут большой европейской культурой. Это блокирует доступ к собственному тезаурусу АЯТ как высокой теории², описывающей АЛЯ как продукт коллективного разума, устроенного иначе, нежели привычный европейскому ученому по опыту его большой культуры, в том числе – его науки или философии. Сравнительное изучение разума, представленного в больших культурах человечества в разных вариантах, даст философии не меньше, чем европейскому языкознанию дало сравнительное изучение языков после его многовековой замкнутости в рамках одного языка или одной языковой семьи.

В этой статье моя задача – показать, как описывается словообразование в АЛЯ в двух системах рациональности, представленных в европейской арабистике и в АЯТ. Непосредственно язык нам дан только как неотрефлексированная способность говорить. Любой разговор о языке (а не *на* языке) превращает язык в предмет, а значит, делает из него теоретический конструкт. Как именно конструируется язык как предмет? Интереснейшая рефлексия рефлексии, самопонимание самопонимания: язык понимает сам себя через самого себя же; язык строит свой образ средствами самого себя. Сравнить два образа одного и того же языка (АЛЯ), выполненные средствами европейской лингвистики и АЯТ, – бесценная возможность высветить научную рациональность в этих двух ее вариантах.

Европейская арабистика: морфология арабского слова

Как писал еще Н.В. Юшманов, «обычное арабское слово поддается точному разбору, как хороший механизм» [Юшманов 1928, 19]. Взяв для примера слово *мукāтабату-хумā*, «переписка их двоих», он показывает, как арабское слово «раздевается» вплоть до корня. Устранив слитное местоимение *-хумā* «их двоих», мы получим основу третьей степени *мукāтабату*, представляющую собой основу второй степени *мукāтабатун* «переписка» (слово в неопределенном состоянии в именительном падеже) плюс именительный падеж определенного состояния имени³. Основа второй степени *мукāтабатун*, лишенная «приставок», как говорит Н.В. Юшманов, или, как сказали бы сегодня, аффиксов (начальный *му-* и конечный *-атун*), дает основу первой степени, или «базу» – *кāтаб*. Вычитая из основы первой степени все огласовки, получаем корень *к-т-б* «писать» [Там же, 19–20]⁴. Сегодня, спустя век, арабистика представляет дело

точно так же, за исключением некоторых уточнений и смены терминологии [Badawi et al. 2015, 31, 69–70].

Отметим несколько принципиальных моментов этого морфологического разбора⁵.

1. Разбор проведен с механической точностью. Части, на которые разобрано слово, точно сходятся друг с другом, образуя целую исходную словоформу. Практическое отсутствие «исключений», которые, если и имеются, то также подчиняются ясным правилам, не знающим исключений, – отличительная черта АЛЯ.

2. Части слова, или морфемы, на которые мы его разбили, образуют ясно выстроенную иерархию, в основе которой (если идти от «начала», то есть от наименьшего) – корень, а в итоге – действительное целое слово, взятое из потока речи.

3. Построение иерархии словообразования предстает следующим образом: корень (три согласных); корень + огласовки (варианты внутренней флексии) = основа первой степени; основа первой степени + приставки (аффиксы) = основа второй степени; основа второй степени + падежное окончание = основа третьей степени; основа третьей степени + слитное местоимение = действительное слово⁶.

4. Во всей этой иерархии форм, за вычетом конечного слова, только основа второй степени – действительное слово, все прочее – искусственно вычленяемые морфемы, получаемые за счет «обрезания» действительного слова.

Знаковая теория, определяющая в числе прочего понимание языка как знаковой системы, получила в европейской науке то понимание, которое предложено Ч.С. Пирсом в следующей формулировке:

361. Мы увидели, что именно непосредственное сознание – прежде всего первое, а внешняя мертвая вещь – прежде всего второе. Очевидно, что похожим образом прежде всего третьим оказывается опосредующая между двумя репрезентация [Пирс 2001, 64].

Значения («прежде всего первое», по Пирсу), которые мы приписываем некоторым звукам или звуковым сочетаниям («прежде всего второе»), могут быть любыми: известное положение о случайности языкового знака закрепило это понимание. Поэтому любой из морфем в иерархии «раздевания» арабского слова вплоть до корня может быть приписано значение: ничто в этой знаковой теории не препятствует этому (нет логического запрета на произвольность установления знаковой связи). Поэтому европейская арабистика разделила функции передачи лексического и грамматического значений между корнем и всеми прочими морфемами арабского слова. Разделение это очень ясное и жесткое: корень, то есть (обычно) три согласных, передает лексическое значение, тогда как за гласными (и, конечно, другими, некорневыми согласными слова) закрепляется передача грамматических значений. Не могу не привести яркие высказывания С.С. Майзеля:

Скульптурная отлитость абсолютного большинства корней семитских языков в определенные триады согласных и состав этих корней... выделяют семитские языки из всех остальных языков мира... Суровый триконсонантизм корня в семитских языках и то обстоятельство, что лексическое значение в большинстве случаев связано в них только с согласными, тогда как гласные служат для того, чтобы дать корню грамматическую форму, это строгое разделение функций между согласными и гласными по семантической и морфологической линии, делают семитскую языковую семью совершенно отличной от всех других [Майзель 1983, 87].

Я выбрал для цитирования эти слова в силу их выразительности. Но положение о том, что (1) корень арабского слова состоит из согласных, обычно трех, реже четырех и пяти⁷, тогда как (2) гласные (и некорневые согласные) играют роль грамматических «оформителей» *чистого*, или, как говорит С.С. Майзель, «абсолютного» понятия, выраженного корнем [Там же], получает едва ли не всеобщий характер в арабистике [Старинин 1963, 22, 24; Габучан 1965, 117–118; Badawi et al. 2015, 31]. Начинающему арабисту непросто отказаться от языковых привычек родного европейского языка и научиться в первую очередь находить трехсогласный корень в любом слове. А делать

это, причем делать едва ли не автоматически, совершенно необходимо, поскольку иначе ни о каком профессиональном овладении арабским языком не может идти речи. Понимать грамматические особенности арабского языка (здесь, конечно, не место их излагать), а значит, понимать текст, грамотно говорить и писать нельзя без такого умения отделять корневые «согласные» от некорневых. Кроме того, арабские словари, как традиционные, созданные в рамках АЯТ, так и арабистические располагают слова по корням, а не по алфавитному порядку букв (как это делают словари европейских языков)⁸, а значит, не определив корень, слово просто нельзя найти в словаре. По мере того, как углубляется арабистическая подготовка, привычка мгновенно находить в любом арабском слове его трех- или, реже, четырех- или пятигласный корень превращается в своего рода «рентген», которым мы просвечиваем любое слово, отделяя его корень от всего остального.

Это «все остальное», то есть все морфемы арабского слова, за исключением корня, никогда (за крайне редким исключением) не присоединяются к корню как попало, в случайном порядке, а образуют строго определенные, как принято говорить в арабистике, «модели» (pattern, schème). Говоря попросту, «модель» – это такое представление слова, в котором места корневых букв обозначены как некие переменные *X*, а все прочие составляющие слова даны как действительные⁹. В арабском языке десять основных моделей глаголов («пород») и несколько дополнительных, малоупотребимых, а также строго определенные модели для имени действующего, претерпевающего, имени места, орудия и т.д. Например, обозначив корневые буквы цифрами 1-2-3, получаем модель глагола первой породы 1a2a3a, второй породы 1a2a3a (удвоение второго корневого), третьей – 1ā2a3a (долгота первого гласного) и т.д., причем каждое морфологическое изменение сопровождается соответствующим общесловным. Теперь, взяв корень *д-р-с*, который, как скажет любой арабист, передает общее значение «учить», и подставляя корневые согласные в перечисленные модели, получаем глагол первой породы *дараса* «он учился», *дарраса* «он сделал так, чтобы другой учился (то есть учил)», *дāраса* «он учил вместе с другим» и т.д. Дальше можно брать любой корень и, если значение корня известно, подставлять его в эти (или любые другие) модели и получать слово с заранее известно каким образом модифицированным значением корня. Даже если какая-то модель реально не употребляется, носителю языка так образованное слово будет понятно именно по этой языковой логике: корень (лексическое значение) + модель (грамматическое значение) = слово.

Таким образом, арабские слова не только, по Юшманову, разбираются, как хороший механизм, но и собираются с не меньшей механической точностью. К разбору Юшманова нам остается добавить только предположение о том, что если морфемы представить абстрактно, как был представлен корень, то по различным алгоритмам они складываются в абстрактные «модели» слов. Арабский словарь – не просто перечисление слов, а увлекательный путеводитель по такому модельно-корневому словообразованию. Например, словарь Х.К. Баранова можно читать как книгу: каждая словарная статья открывается трехбуквенным корнем, для которого указываются глаголы всех пород и, далее, указываются только те словоформы с данным корнем, значение которых не вычисляется алгоритмически; для всех прочих арабист легко вычислит и словоформу, и значение по стандартным моделям. Словарь содержит гораздо больше слов, чем перечисляет: значительная часть (интересно было бы подсчитать, какая) остается не указанной явно, но алгоритмически вычисляемой.

И последнее. Как видно уже из вышеприведенного примера моделей глагольных пород, модель слова, образованная склеиванием разных морфем, разрывается в определенных позициях корневыми согласными. Арабский корень – согласные и только согласные; вставные гласные и согласные непременно оказываются и между корневыми, и спереди, и сзади. Корень как самая «главная» морфема слова никогда не представлен единым «блоком» (а ведь именно такая блокообразная неизменяемость служит прототипически представляемым признаком корня в европейских языках), он всегда – три согласных, между которыми, а также (возможно) спереди или сзади вставляются

гласные и другие согласные. Например, «минимальная», первая порода в вышеприведенном примере имеет корень *д-р-с*, который, получая три гласных «а», дает *дараса* – реальное слово, которое одновременно является основой. Арабистика вынуждена ввести понятие основы в дополнение к понятию корня (они заимствованы из индоевропейстики¹⁰, хотя в арабистике получают существенно иное значение), иначе морфология не выстроится. Те гласные, которые оказываются внутри корня, называются «внутренняя флексия».

Мы получили описание морфологии арабского языка в европейской арабистике. Модели слов, то есть конгломераты морфем, образованных гласными и согласными, разрываются в определенных местах корневыми согласными. Поэтому морфемы еще В.П. Старинин назвал прерывистыми, вынеся этот термин в заголовок своей книги [Старинин 1963]. Сегодня говорят о «неконкатенативной» морфологии [McCarthy 1981]; дело, впрочем, не меняется от перемены названия.

Итак, в основе всей арабистической теории строения арабского слова лежит деление на согласные и гласные. Корень состоит из трех (реже четырех и пяти) согласных. Добавление к корню гласных в качестве вариантов внутренней флексии дает основу. Присоединение морфем к основе дает новые слова и/или придает грамматические значения вроде падежа и т.д. Практически все слова арабского языка строятся по строго определенным абстрактным моделям, состоящим из нескольких морфем и корня, то есть корневых согласных, места которых строго определены. Корень несет основное лексическое значение, а все прочие морфемы передают грамматические значения.

Происхождение слов с точки зрения АЯТ

Первое, что мы должны сделать, рассматривая происхождение слов с точки зрения АЯТ, – совершить полную феноменологическую редукцию, забыть все только что сказанное, взять в скобки всю европейскую арабистику. Сделать это надо хотя бы потому, что АЯТ старше арабистики на 10–11 веков: АЯТ создавалась начиная с VIII в., а последнее цитируемое в этой статье произведение, написанное целиком в традиции АЯТ, датировано 1908 г. АЯТ описала АЛЯ во всех подробностях; и не только описала, но и создала его постольку, поскольку литературный язык является результатом нормативизирующего теоретического установления. Грамматика и лексический состав во всех мыслимых деталях были нормативно зафиксированы АЯТ, без чего, конечно же, АЛЯ не мог бы сохраняться в практически неизменном виде на протяжении четырнадцати веков. Античные языковые теории, хотя и были известны теоретикам АЯТ, не затронули строй, логику и терминологию АЯТ [Фролов 2006, 84–85]. Самостоятельность АЯТ в отношении арабистики, как историческая, так и теоретическая, очевидна.

Ключевой термин теоретических построений АЯТ, описывающих связность слов в смысле их происхождения, – *иштиқāк*. Слово имеет корень *ш-қ-қ*, имеющие этот корень слова означают, согласно классическому словарю Ибн Манзūra, щель, трещину, в качестве глагола – раскалывание, причем часто пополам, на две равные части. С этим связано и однокоренное обозначение нарождающегося ростка, когда над ним только раздвигается земля, или же зуба во рту, который только появляется в расщелине десны. Однокоренное *шақйқ* («сколок») – родной брат, появившийся от тех же матери и отца, или *шақйқа* – сестра. Если про двух соперников говорят *иштаққā*, это означает, что они начали враждовать «направо и налево», то есть во всем, забыв первоначальный смысл ссоры (как Иван Иванович с Иваном Никифоровичем); или же лошадь *иштаққа*, если двигается «направо и налево», без цели; *иштиқāк* речи (*қалām*) – это (1) ее построение без предварительной подготовки (импровизация) и (2) говорение «направо и налево» (без ясного предмета): здесь сохраняется смысл разделения исходного пополам, на «правое» и «левое».

Таковы основные общезыковые значения слов с этим корнем [Лисан 10, 181–186]. Как видим, здесь нет идеи «образа»: производное не *образовывается*, а *появляется* готовым, «раскалывая» то, откуда оно берется, нет и идеи формы и тем более – ее

постепенного наращивания за счет прибавления частей. Поэтому и терминологическое значение *иштиқāқ* – «вырывание (*наз*′) одной высказанности (*лафз*) из другой при условии их соотнесенности по смыслу и составу (*таркīb*) и различия их отлитости (*сй̄га*)» [Магриби 1908, 6]. Ал-‘Укбарī предпочитает определение, которое давал ар-Руммāнī: «*Иштиқāқ* – это вырезание (*иқтītā*′) ветви из корня, в отклонениях (*тас̄ārīф*) которой присутствует корень» [Укбари 2007, 62; Укбари 1995 II, 219]. Здесь подчеркнута, что *иштиқāқ* – это «ветвление» исходного (корневого) слова по логике ‘*асл* – *фар*′ «корень – ветвь» путем *тас̄rīф* (мн. *тас̄ārīф*) – «отклонения» ветви от корня. Вместо выразительного *наз*′ и *иқтītā*′ в других определениях *иштиқāқ* фигурирует более нейтральное ‘*ахз* «взятие» [Сивавайхи 1988 I, 12; Сиддик Хасан Хан 1985, 69], но дело от этого не меняется: речь не идет о «формировании» или «образовании», то есть о постепенном вылепливании начиная с чего-то исходного; речь о «вытаскивании» одного слова из другого в готовом виде. Это подтверждается и практикой употребления термина *иштиқāқ*, равно как самой процедурой «вытаскивания» одного слова из другого, причем – что важно – не только в произведениях АЯТ, но и за ее пределами, у авторов, представляющих другие науки: нигде и никогда слово не образуется от корня, а всегда – от другого слова (см., например: [Ибн Тарар 2005, 620; Бакилла-ни 1987, 254–257; Марзуки 1996, 90; Маарри 2002, 248; Маварди 1994 XIII, 398]); даже там где, казалось бы, удобнее говорить о смысле корня (и где арабист или исламовед так бы и поступил) и производных от него слов, арабо-мусульманские теоретики всегда говорят о двух или более словах, для которых устанавливается *иштиқāқ*, «раскальвание», как, например, при обсуждении смысла имен, людских или божественных [Асмаи 1994; Задждажи 1986; Ибн Сиди б.г. XVII, 153].

Уже у Сивавайхи указана функция «раскальвания» (*иштиқāқ*) слов: без этого (а также того, что играет ту же роль, говорит Сивавайхи), мы бы не могли отделить корневые *харфы*¹¹ слова от дополнительных и должны были никакие из них не считать дополнительными (*фа*-‘*ин лам таф*′ *ал зāлика сирта лā тазй̄д шай*′ *ан мин-хунна*) [Сивавайхи 1982 IV, 325–326]. Тогда каждое слово оказалось бы отдельным, не связанным ни с каким другим: мы не могли бы увидеть устойчивость и закономерность вывода одного слова из другого. В этом отношении «ту же роль», что *иштиқāқ* (*мā хува би-манзилат ал-иштиқāқ*), играет *тас̄rīф* – буквально «отклонение», то есть «отливка» (*сй̄йāга*) новых слов из материала старых. Термин выбран не случайно: как из материала (*мāдда*), например, золотого изделия, отливают (*сй̄га*, *сй̄йāга*) новое изделие, придавая ему другой внешний вид (*хай*′ *а*), так и из материала исходного слова отливают новое – имеющее тот же материал, но новый внешний вид, так что в ветви (*фар*′) остается и материал (*мāдда*), и смысл (*ма*′ *нан*) основы (‘*асл*) [Таханави 1996 II, 1102]. Под «материалом» в данном случае имеются в виду корневые *харфы*. Можно было бы сказать, что *тас̄rīф* – это надежный и ясный способ *иштиқāқ*: *тас̄rīф*, «отклонение», всегда работает с тем же корнем, оставляя корневые *харфы* в том же составе (*таркīb*) и порядке (*тартīb*), в каком они были в исходном слове, но придавая новый вид (*хай*′ *а*) благодаря добавочным *харфам*. Так получается новая *сй̄га* – новая «отливка», новое слово, отлитое из материала старого: сохраняются корневые *харфы* и их порядок, что и обеспечивает «соотнесенность» (*мунāсаба*) вновь отлитого и исходного слова по *лафз*, высказанности, и *ма*′ *нан*, смыслу, как говорит ал-Магриби. Исходное слово – это ‘*асл*, «корень», отлитое – *фар*′, «ветвь»: *тас̄rīф* как основное русло *иштиқāқ* построено на механизме «ветвления» (*тафрī*′, также *таша* ‘уб), обеспеченном фундаментальной категоризальной парой ‘*асл* – *фар*′ «корень – ветвь».

Метафоры в классической арабо-мусульманской мысли никогда не выбираются просто так, они работают до конца. Так и здесь: литье предполагает расплавление, то есть полное уничтожение исходной вещи ради переплавки. Теперь становится ясно, как именно «вытаскивается» новое слово из старого, «раскальвая» его: появление новой «отливки» (*сй̄га*), или, как выражаются теоретики АЯТ, новой «выстроенности» (*бинā*′, мн. *абниийā*), предполагает целиком новое выстраивание после того, как исходная выстроенность разрушена, причем в качестве исходной выступает масдар (имя

действия) [Астарбази 1982 I, 5]. Почему именно масдар, мы сейчас поймем, а пока обратим внимание на сказанное: каждый шаг выстраивания, то есть каждый шаг «ветвления» – это разрушение до конца «выстроенности»-корня¹², то есть исходного внешнего вида (*хай'а*) слова, и выстраивание «отливки»-ветви целиком заново. Но если целиком разрушение и целиком создание заново, то что же остается от исходного слова? – ведь условием для установления соотношения 'асл – фар', «корень – ветвь», служит неперемное сохранение корня в ветви и добавление чего-то нового, как в явном (*зāхир*), так и в скрытом (*бāтин*): именно такое добавление и служит достаточным основанием для ветвления, которое производится ради такой добавки¹³. Если ветвлению подвергаются слова (такое ветвление и называется *иштиқāқ*), то явным (*зāхир*) служит высказанность (*лафз*), то есть звуковая или графическая сторона слова, неотъемлемая от его скрытого (*бāтин*), то есть его смысла (*ма'нан*). Таким образом, в *иштиқāқ* выполняется главное требование установления соотношения 'асл – фар': в ветви, то есть новом, «отлитом» слове сохраняется «корень» (то есть исходное слово) в виде своего корня ('асл), то есть в виде своих корневых *харфов* и (это всегда указывают) их порядка. Ведь корень – это три *отдельных* (рассыпанных, а не собранных в одно звучание) *харфа*, которые могут быть и переставлены (*тақлīb*), и частично заменены (*табдīл*); такие манипуляции дают так называемый «большой» ('акбар, *кабīр*) *иштиқāқ*», то есть частичное преобразование корня за счет перестановки *харфов* или замены одного *харфа*¹⁴ [Ибн Джинни 1952 I, 5; Магриби 1908, 14], тогда как тот вид *иштиқāқ*, о котором идет речь (в котором сохраняются корневые *харфы* в исходном порядке и составе), называется «малый» ('асгар, *сағīр*) *иштиқāқ*»; именно он имеется в виду, когда говорят просто об *иштиқāқ*, без уточнения.

Итак, вот в чем смысл и роль корня ('асл) как набора корневых *харфов* (*хурўф* 'усл, или просто 'усл): благодаря вывлению корневых *харфов* мы устанавливаем всю 'асл – фар' – цепочку слововыветвления из некоего исходного слова, которое также именуется 'асл «корень». Вот почему термин 'асл совпадает в двух случаях: он указывает на то, что сохраняется во всех преобразованиях выветвления.

Заметим, что корень слова – не слово и никогда и ни при каких условиях не может быть словом, поскольку слово по определению – это высказанность (*лафз*), указывающая на смысл (*ма'нан*), а три корневых *харфа* не являются высказанностью-*лафз*. Почему? Потому что они раздельны, «рассыпаны» (именно поэтому они могут быть переставлены или частично заменены, и поэтому между ними могут быть вставлены другие *харфы* для произведения разных отливок-*сйга*), не сцеплены; а *лафз* отличается от набора *харфов* именно сцепленностью в цепочку протеканий. В тех редчайших случаях, когда арабо-мусульманские (а не европейские) авторы говорят о «смысле корня», оканчивается, что они всякий раз берут *лафз* с минимальным набором *харфов* и говорят о его смысле (то есть о смысле слова), переходя затем к «выветвленным» из него словам с более сложным составом [Ибн Джинни 1952 I, 5].

Таким образом, *тасрīф*, «отклонение», как основной вид *иштиқāқ* – это всегда «вытаскивание» слова из другого слова путем целостного перестроения (придание новой *сйга*, «отливки», или *бинā'*, «выстроенности») при условии сохранения набора и порядка корневых *харфов*. Никакой из многочисленных терминов, описывающих *иштиқāқ*, не означает морфему ни в каком смысле: *иштиқāқ* – не корне-морфемное словообразование, а пере-сцепление (включая опускание и замену) *харфов* при условии сохранения корневых, в результате которого из целого слова получается целое слово. Положение о том, что *харф* – минимальный, он же единственный сегмент членения арабской речи, полностью сохраняет здесь свое значение.

Тасрīф, «отклонение», относится к словам, которые передают смысл действия (*фи'л*), неважно, являются ли они именами или глаголами. Это объясняется тем, что при всех изменениях слов в процессе «отклонения» должен сохраняться смысл (*ма'нан*), а таким смыслом для всей этой области слов служит «действие». Действие в его минимальном, так сказать, варианте выражено масдаром: этот термин (*масдар*) означает «исток» и трактуется как начало всей цепочки происхождения слов [Астарбази

1982 I, 12–13]. Иначе говоря, все многочисленные виды и типы слов – все глагольные формы, имена действителя и претерпевающего, имя места, орудия, «уподабляющий атрибут» (*сифа мушаббиха*) и т.д. – все они «выветвляются» из масдара, то есть чистого действия, не указывающего на время¹⁵. Поэтому обычным в контексте АЯТ является взаимозаменяемость терминов *фи‘л* (действие, а также глагол) и *масдар* (масдар, то есть имя действия): «масдары – это действия/глаголы (*ал-масдари аф‘ал*)» [Варрак 2005, 25].

Полученные путем *тасриф* слова покрывают едва ли не весь словарный состав арабского языка, за исключением «чистых» (*сарйх*), или «застывших» (*джамид*), или «исконно выстроенных» (*ал-асма‘ ал-‘арйкату-л-бинā*) [Астарабази 1982 I, 8, 13; Магриби 1908, 9] имен. Эти ни от чего не происходят, и от них ничто не происходит [Муради 1992, 281], поскольку с ними ничто не происходит. Так объясняется «застылость» имен: они указывают на такие предметы, которые исключены из общего потока *ахдās* (событий, обновлений; ед. *хадас* [Магриби 1908, 9]). События-*ахдās* (то, что выражено масдаром), как это сказано еще у Сйбавайхи в определении типов слов, – это то, что «происходит с именами» и от чего «берутся» глаголы-действия (*фи‘л*) [Сйбавайхи 1988 I, 12]. Процессуальный взгляд на мир сполна проявляет себя здесь: АЛЯ не только выстроен процессуально, как система протеканий (от минимального сегмента – *харфа*, через происхождение слов, рассмотренное здесь, связочную функцию и далее – к устройству риторики-*балāга* и метафоры-*маджāз*, лежащей в основе поэтики), он видит мир процессуально, как собрание действий-*аф‘ал* (а вовсе не субстанциальных вещей), а потому и описывается адекватно АЯТ, выстроенной в системе П-логики¹⁶.

Итак, *иштиқāк* устанавливает связность слов, показывая, как они происходят одно от другого. Изложенные выше основные положения об *иштиқāк* были общепринятыми в АЯТ. Или почти общепринятыми: нетрудно заметить, что они плохо совместимы с тезисом об «установлении языка (*вад‘ ал-луга*)» Богом (его придерживалось большинство арабо-мусульманских авторов), согласно которому Бог установил соответствия *лафзов* (высказанностей) их смыслам и тем самым задал словарный состав языка, поскольку такое установление должно быть, во-первых, одномоментным (а не последовательным «ветвлением»), а во-вторых, по самому смыслу воли как ничем не определенного выбора не может быть связано никакими закономерностями (а *иштиқāк* устанавливает таковые). Поэтому Ибн Хазм, по своему обыкновению не сдерживаясь в отношении оппонентов, объявляет «бредом» (*хазайāн*) и «выдумкой грамматиков» («в каждом народе – свои безумцы», утешает читателя Ибн Хазм) все теории *иштиқāк*: за исключением имен действителей, *иштиқāк* которых от действий (то есть глаголов) он допускает, и имен носителей качеств, производных от качеств, все слова, по его мнению, даны одномоментно Богом без всякого *иштиқāк* [Ибн Хазм б.г. IV, 12–13; Ибн Хазм 1996 V, 137–140]¹⁷.

Обычно «выстроенности» новых слов, «выветвляемых» в *иштиқāк*, известны и не вызывают вопросов, они просто приводятся теоретиками АЯТ как ясные для носителя языка. Однако в трудных случаях могут возникать неясности, и тогда необходимо соотнестись к чем-то другим. Это «другое» уже у Сйбавайхи названо *мицāl* или *мицл*, «подобие»¹⁸. В качестве «подобия» может быть взято любое слово, относительно которого нет разногласий, чтобы установить истину и отделить корневые *харфы* от дополнительных в обсуждаемом слове. «Подобие» имеет тот же «вес» (*вазн*), что и «взвешиваемое» (*мавзūн*) слово. Унифицированное, то есть универсальное применяемое подобие стало «весами» (*мизāн*), и в качестве таковых в АЯТ используются слова с корнем *ф-‘л*¹⁹. С масдаром, имеющим этот корень, мы уже знакомы: это *фи‘л* «действие». Что же такое «вес»? Это – возможность установить взаимно-однозначное соответствие между весами (*мизāн*, то есть словом с корнем *ф-‘л*) и взвешиваемым (*мавзūн*) словом, когда *фā’*, *‘айн* и *лām* весов соответствуют корневым *харфам* (первому, второму и третьему) взвешиваемого слова, а остальные (то есть добавочные) *харфы* оказываются одинаковыми в обоих случаях. Такая операция называется «уравновешивание» (*мувāзана*), или «взаимное уравновешивание» (*тавāзун*). Для весов был взят корень

ф-‘-л потому, что действие (фи‘л) всегда присутствует как смысл во всех словах, изменяемых через *тасриф* (тех, что «выветвляются» из масдара – имени действия) [Астарабази 1982 I, 13; Укбари 1995 II, 220–221]. Обратим внимание, что в качестве весов фигурирует такое же единичное слово, как и то, что взвешивается. *Мува́зана* уравнивает два слова, а не модель (абстрактное представление) слова и реальное слово. Это принципиально, и это специально оговаривается в АЯТ [Астарабази 1982 I, 12]. Иными словами, «весы» могут считаться моделью «взвешиваемого» не больше, чем Петр может считаться моделью Ивана: речь об однопорядковом, а не об иерархии общего и конкретного.

И последнее. *Мува́зана*, «уравнивание», называется также *мука́бала* [Укбари 1995 II, 224–225], то есть «противо-стояние», «встреча-с-другим». Когда одно слово уравнивается другим, они оказываются лицом друг к другу, встречаются и отражаются одно в другом, как в зеркале (точнее, как в зеркалах). Такая встреча-*мука́бала* приравнивает их постольку, поскольку уравнивает, но не за счет субстанциального тождества (совпадения или принадлежности к одному классу), а за счет действия перевода одного в другое. Если мы вспомним, что «алгебра» называется *ал-джабр ва-л-мука́бала* «вправление суставов и противо-стояние», мы лучше поймем, почему «уравнивание» в АЯТ – это не моделирование слов, а действие перевода одного в другое. В уравнении $x=2y$ мы можем не знать, что такое x и y , вовсе не интересоваться ими; но мы знаем, что такое действие удвоения. Процессуальная парадигма этого элементарного алгебраического действия очевидна: наше внимание – на действии, оно есть «что», а его спецификация, его «какое» – это две его стороны, изменяющиеся x и y . Это делает понятным также, почему «два встречающихся – как что-то одно» [Смирнов 2023, 177] и почему такое действие нетранзитивно: *мува́зана*, «уравнивание», и есть установление *мука́бала* «противостояния» как «встречи»: встречающееся равновесно, то есть равно одному другому. Этим ответом на вопрос, заданный в конце [Смирнов 2023], я завершу данное небольшое исследование.

Выводы

Факт, непреложно удостоверяемый проведенным исследованием, заключается в том, что описание одного и того же объекта – АЛЯ – средствами арабистики и АЯТ *не совпадает ни в чем*. Ниже я суммирую основные моменты этого несовпадения, но сперва следует разобраться в его причинах.

Два описания не совпадают ни в чем, потому что они не совпадают в исходном пункте – в том, с чего начинается описание АЛЯ. Для арабистики это – согласный и гласный звуки, для АЯТ – *харф*. Эти два начала ни при каких условиях не могут быть приравнены одно к другому или переведены одно в другое. Это означает, что один и тот же объект – АЛЯ – предстает как два разных предмета, выстроенных целиком взаимно инаково. Это как если бы для одного наблюдателя в известном эксперименте электрон всегда оказывался частицей, а для другого – всегда волной.

В этой аналогии – больше, чем аналогия. Согласный и гласный – ясно выстроенная дихотомия, во всяком случае – постольку, поскольку речь идет о фонетике и фонематике АЛЯ. Как таковая, то есть как дихотомия качеств, приписываемых носителю, она возможна только если предикация устроена на основе пространственной интуиции, а «что-и-какое» (предмет описания) полагается как субстанция, принимающая взаимно-исключающие атрибуты. Как частица, которая может оказаться или «здесь», или «не здесь» (принять один из взаимно-исключающих атрибутов), минимальное и неделимое «что» оказывается звуком, согласным либо гласным, для наблюдателя «арабистика», описывающего АЛЯ. А для наблюдателя АЯТ, описывающего тот же самый АЛЯ, минимальное и неделимое «что» – протекание между двумя точками, исходной и завершающей (кусочек синусоиды с отрицательными значениями y между двумя соседними точками пересечения с осью x), получающее свое качественное оформление благодаря этим двум конечным точкам. Именно поэтому минимально *произносимый* сегмент

арабской речи – два *харфа*, движущийся и покоящийся, с движением-*харака* между ними. Это однозначно зафиксировано АЯТ [Смирнов 2023] и не может быть объяснено в системе презумпций арабистики.

Все прочее вытекает из этого.

И арабистика, и АЯТ начинают с минимального, далее неделимого сегмента, а затем умножают его, получая возможность выстроить целые слова, и далее – связать их в высказывания, а высказывания – в текст. Так задается язык как способ разворачивания связности. В этом абстрактном описании две стратегии научной рациональности, представленные арабистикой и АЯТ, совпадают. Но как только мы конкретизируем это описание, мы получаем тотальное расхождение.

Арабистика складывает исходные кубики-фонемы²⁰ в единицы большей размерности, которые именуются морфемами²¹. Знаковая теория в том ее варианте, который Пирс указал первым в процитированном выше фрагменте 361, позволяет каждой такой единице приписать значение. Так выстраивается морфология слова. Иерархичность и возможность абстрактного представления (поглощение единичного классом, к которому оно принадлежит), составляют неотъемлемые черты этого типа рациональности.

АЯТ сцепляет исходные волны-*харфы* в протекания большей размерности. Такое сцепление *харфов* окажется высказанностью-*лафз*, если между ним и «смыслом» (*ма'нан*) протекает (вновь ВОЛНА) действие «указание» (*далāла*). Такую организацию знаковой функции Пирс указал второй в том же фрагменте 361:

Однако не стоит пренебрегать другими примерами: первое есть действующий, второе – претерпевающий, а третье – действие, которым первое влияет на второе; между началом как первым и концом как последним происходит процесс, который ведет от первого к последнему [Пирс 2001: 64].

Высказанность, указывающая на смысл, является словом (*калима*). Слова происходят друг от друга благодаря пере-сцеплению *харфов*. Исходной точкой (корнем-'*асл*) всей цепочки происхождения слов служит *масдар* – имя, указывающее на действие без всякой конкретизации («хождение», «деление» и т.д.). Однокоренные слова образуют цепочки наращивания и перестройки высказанности и смысла при условии сохранения исходного (корневого – '*асл*) звена каждой цепочки: исходного набора корневых *харфов* и их порядка и исходного смысла действия.

Эти два разных способа наращивания сложности исходных единиц – складывание кубиков в сложные конструкции и сцепление волн в единое протекание – задают то, что Г.Б. Шамилли называет «надындивидуальные механизмы» в языке и в музыке [Шамилли 2023]; С.Ю. Бородай в этом же смысле говорит о разных морфосинтаксических типах языков [Бородай 2023].

Европеец, рассматривающий АЛЯ как предмет, выстроенный в системе рациональности АЯТ, переживает фрустрацию своих герменевтических ожиданий: он не находит ни фонем, ни морфем, ни лексем, ни морфологии, ни привычного синтаксиса (отсутствие связочного глагола), ни иерархии форм – если только сам не вчитывает их в АЯТ (чему примеров немало). Ученый, воспитанный в рациональности АЯТ, испытывает точно такую же фрустрацию, рассматривая АЛЯ как предмет, выстроенный в рациональности арабистики, и не находя ни *харфов*, ни процедур уравнивания (*му-вāзана*), ни привычного *иснāда* («опирания» подлежащего на сказуемое). И это – только самый минимум; список таких взаимных зияний легко продолжить.

В недавно переведенной на русский язык претенциозной книжке [Прист 2022] автор рассуждает о «пределах мысли». Но сами эти пределы он задает, не пересекая границ (а не пределов) европейского способа мыслить – той рациональности, которой создан в том числе и рассмотренный нами предмет «АЛЯ в системе взглядов арабистики». Не пересекает потому, что и его Замыкание (*Closure*), и его Трансценденция (*Transcendence*), которые, как думает Г. Прист, очерчивают такие пределы, оба заданы на основе пространственной интуиции. Значит, речь не о пределах мысли как таковой, а только о границах европейской рациональности. Рациональность,

выстроенная на интуиции протекания (а не на интуиции пространства), задала другие границы. И в обоих случаях наша мысль способна их пересечь, коль скоро она способна перемещаться между ними. Пределы мысли – это пределы логики смысла, тогда как разум в любом из его вариантов очерчивает лишь собственные границы.

Таков самый главный вывод из этого (и не только этого) исследования. Мы должны давать отчет не только в том, как получено содержание наших теорий, но прежде всего в том, как получены те инструменты, которые используются для получения содержания теорий. Иными словами, отдавать отчет в вариативности разума и его типологии.

Примечания

¹ Конечно же, связочная функция вполне «прочно» реализована в АЯТ, но не на основе пространственной интуиции, как в европейских языках (попадание субъекта в область предиката, неразрывно склеивающее их), а на основе интуиции протекания действия (*isnād*, «опирание», – действие, склеивающее подлежащее и сказуемое как действителя и претерпевающее этого процесса), о чем мне приходилось неоднократно писать (см., например: [Смирнов 2021, 123–166]).

² Несмотря на неоднократные призывы лингвистов учитывать результаты работы АЯТ (см., например: [Юшманов 1928, XVII; Bohas, Guillaume 1984, VII–VIII; Weiss 1985] и др.), до сих пор мы имеем не более чем отрывочные упоминания терминов или положений АЯТ вне всякой системы, от чего дело понимания внутренней логики АЯТ только страдает.

³ Определенность в данном случае возникает вследствие присоединения слитного местоимения; не буду входить в другие подробности арабской грамматики.

⁴ Б. Бачра утверждает, что «лишь недавно лингвисты начали понимать, что морфология большинства глаголов в семитских языках построена на наличии согласных корней, состоящих из трех согласных» [Bachra 2000, 13], цитируя западные работы после 1971 г. В нашей арабистике это осознание было ясно высказано на полвека раньше.

⁵ Этот тип морфологических теорий С.Ю. Бородай описывает как «аддитивный» [Бородай 2023].

⁶ В.П. Старинин оспаривал необходимость понятия «основа» для морфологического анализа арабского слова и считал всю некорневую часть слова одной «некорневой» морфемой, или «диффиксом» [Старинин 1963, 25]; эту точку зрения критиковал Г.М. Габучан [Габучан 1965, 125].

⁷ Есть также небольшое количество слов с двухбуквенными корнями и два с шестибуквенными (оба – заимствования).

⁸ Исключения составляют словари для начинающих арабистов, располагающие арабские слова по алфавиту, а не по корням.

⁹ Такое представление стало общепринятым в арабистике независимо от глубины постижения АЯТ и подтверждается многими и сегодня; см., например: [Bohas, Guillaume, Kouloughli 2017, 74]. В силу этого положение о «моделировании структуры» арабского слова якобы самими арабскими лингвистами нередко читается в АЯТ; см., например: [Старинин 1963, 20; Owens 1988, 31]. О применении парадигмы «корень – модель» к другим языкам семито-хамитской группы, о ее критике и о поиске других подходов к семито-хамитскому словообразованию см.: [Asinag 2018].

¹⁰ Куда до того попали благодаря изучению европейцами еврейских традиционных грамматик, использовавших терминологию АЯТ, в которой... нет понятия «основа» как противопоставленного корню. Так арабский *'aql* совершил межкультурное путешествие и вернулся в арабистическое описание АЛЯ в искаженном виде. (Аналогичная метаморфоза произошла с «арабской»). Между большими культурами – логико-смысловое зияние, и взаимные заимствования всегда будут приводить к таким решающим искажениям.

¹¹ О категории *ḥarf* см.: [Смирнов 2023].

¹² Речь о корне как исходном слове в процессе *'aql – far'*, то есть перехода от корня (исходного слова) к ветви (производному слову), а не о том, что называется «корень слова». Для текстов АЯТ характерно такое употребление термина *'aql*, когда невнимательный читатель может смешать два разных, хотя и взаимосвязанных, значения; впрочем, контекст всегда подсказывает.

¹³ Это же обосновывает важнейшее положение, заключающееся в том, что ветвь нуждается в корне, но не наоборот, поскольку ветвь не может иметься без корня (корень всегда присутствует в ней), но не корень без ветви.

¹⁴ Подобное едва ли представимо в случае европейских языков; вряд ли, например, корни «дом» и «мод», «дом» и «дым» или тому подобные сочетания с перестановкой или частичной заменой окажутся близкими по смыслу. Это показывает принципиальное различие того, что понимаетс под корнем, в случае двух типов языков.

¹⁵ «Нет такого глагола или имени, с глаголом связанного, которые бы в корне (то есть изначально – А.С.) не были бы масдаром» [Астарабазы 1982 I, 13].

¹⁶ О процессуальной и субстанциональной логиках смыслополагания см.: [Смирнов 2021].

¹⁷ Ибн Ҳазм сообщает, что за давностью лет не помнит точно, кто именно, но ему кажется, что это был Нафтавайхи: тот говорил Ибн Ҳазму, что прежние грамматики держались того же мнения, что и он, отрицая *иштиқақ* [Ибн Хазм б.г. IV, 13]. Ат-Тавхйид сообщает о Нафтавайхи, что тот «отвергал (*йа'ба*) *иштиқақ*», ибо, начав производить слова друг от друга, никогда нельзя остановиться, поскольку нет оснований считать одно слово исходным, а другое – производным; правда, при этом ат-Тавхйид ссылается на лексикографа 'Абӯ ал-Қасима ат-Тамийи, известного своей лживостью [Тавхиды 1988 VII, 290–291].

¹⁸ О взаимосвязи категорий *иштиқақ*, *тасрйф*, *мисъл*, 'асл, *фар'* см. [Ибн Джинни 1954 I, 7].

¹⁹ Мубаррад называет такое слово *тақдир* [Мубаррад 1994 III, 342–343].

²⁰ Об образных схемах кубики и волны см.: [Смирнов 2023].

²¹ В блестящей работе [Bohas 2021] Ж. Боас подтверждает общераспространенность этого подхода в арабистике. Сам он начиная с 1980-х гг. стремился установить подлинность способа рассуждения теоретиков АЯТ, опираясь на их тексты. Он фиксирует то же, что и я: АЯТ не использует понятия морфемы и аффикса, ее теория выстроена иначе, чем арабистическая. Различие в том, что Боас остается в пределах европейской арабистической рациональности, исходя из деления на согласный – гласный (letter – voyelle), не употребляет понятия *харф* как базового и считает, что АЯТ «не выработала» понятия морфемы (а не что она не нуждалась в нем). Иначе говоря, он не вскрывает эпистемологического основания инаковости теоретических построений АЯТ.

Источники в переводах – Primary Sources in Russian Translation

Пирс 2001 – Пирс Ч.С. Принципы философии. Т. II. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001 (Peirce, Charles Sanders, *Principles of Philosophy*, Russian Translation).

Прист 2022 – Прист Г. За пределами мысли / Пер. В.В. Целищев. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2022 (Priest, Graham, *Beyond the Limits of Thought*, Russian Translation).

Источники на арабском языке – Primary Sources in Arabic

Асмаи 1994 – Ал-Асма 'и, 'Абӯ Са 'ид. Иштиқақ ал-'асма' [Происхождение имен] / Ред. Рамадән 'Абд ат-Таввāб, Ҷалāх ад-Дйн ал-Хāдй. 2-е изд. Ал-Қāхира: Мактабат ал-хāнджй, 1994 (Al-Asma 'i, *Ishtiqaaq al-asma'*, in Arabic).

Астарабазы 1982 – Ал-Астарāбāзй, Рақийй ад-Дйн Муҳаммад. Шарҳ Шāфийат Ибн ал-Хāджйб [Комментарий на «Излечивающий [в науке о *тасрйф*]» Ибн ал-Хāджиба] / Ред. Муҳаммад Нур ал-Хасан, Муҳаммад аз-Зақрāф, Муҳаммад Муҳйй ад-Дйн 'Абд ал-Хāмйд. В 4 т. Байрūt: Дār ал-кутуб ал-'илмиййа, 1982 (Al-Astarabadhi, *Sharh Shafiyat Ibn al-Hajib*, in Arabic).

Бакиллани 1987 – Ал-Бāқиллāнй. Тамхйд ал-авā'ил ва-талхйс ад-далā'ил [Пропедевтика начал и конспект аргументов] / Ред. 'Имāд ад-Дйн 'Аҳмад Хāйдар. Байрūt: Му'ассасат ал-кутуб ас-сақāфиййа, 1987 (Al-Baqillani, *Tamhid al-awa'il wa-talkhis al-dala'il*, in Arabic).

Варрак 2005 – Ал-Варрāқ. 'Илал ан-наҳв [Обоснование грамматики] / Ред. Махā Мāзин ал-Мубāрак. 2-е изд. Димашқ: Дār ал-фикр, 2005 (Al-Warraq, *Ilal al-nahw*, in Arabic).

Задджджй 1986 – Аз-Задджджджй, 'Абӯ ал-Қāсим. Иштиқақ асмā' 'аллāх [Происхождение имен Божьих] / Ред. 'Абд ал-Хусайн ал-Мубāрак. 2-е изд. Байрūt: Му'ассасат ар-рисāла, 1986 (Al-Zaddjadji, *Ishtiqaaq asma' Allah*, in Arabic).

Ибн Джинни 1952 – Ибн Джиннй. Ал-Хақā'ис [Тонкости] / Ред. Муҳаммад 'Али ан-Надждāр. Ч. 1–3. Ал-Қāхира: Дār ал-кутуб ал-мисрййа, 1952–1957 (Ibn Jinni, *Al-Khasa'is*, in Arabic).

Ибн Джинни 1954 – Ибн Джиннй. Ал-Мунсиф. Шарҳ ал-'имām 'Абй ал-Фатх 'Усмāн б. Джиннй ан-наҳвийй ли-китāб ат-тасрйф ли-л-'имām 'Абй 'Усмāн ал-Мāзинй ан-наҳвийй ал-басрййй [«Отдающий справедливость» комментарий имама Абу ал-Фатха Усмана Ибн Джинни Грамматика на книгу «Отклонения» имама Абу Усмана ал-Мазини Басрийца Грамматика] / Ред. Ибрāхйм Мустāфā, 'Абдаллāх 'Амйн. В 3 ч. Б.м.: Идāрат иҳйā' ат-турāс ал-қадйм, 1954–1960 (Ibn Jinni, *Al-Munsif, Sharh al-Imam Abi al-Fath 'Uthman b. Jinni al-nahwi li-kitab al-tasrif li-l-imam Abi 'Uthman al-Mazini al-nahwi al-basri*, in Arabic).

Ибн Сида – Ибн Сйдах. Ал-Муҳаққас [Посвященный]. В 17 кн. Байрūt: Дār ал-кутуб ал-'илмиййа, б.г. (Ibn Sida, *Al-Mukhassas*, in Arabic).

Ибн Тарар 2005 – Ибн Тарār, 'Абӯ ал-Фарадж ал-Му'āфā б. Закарййā ан-Нахравāнй. Ал-Джалйс ас-сāлих ал-кāфй ва-л-'анйс ан-нāсйх аш-шāфй [Добрый достаточный собеседник и приятель, советом излечивающий] / Ред. 'Абд ал-Карйм Сāмй ал-Джундй. Байрūt: Дār ал-кутуб ал-'илмиййа, 2005 (Ibn Tarar, *Al-Jalis al-salih al-kafi wa-l-anis al-nasih al-shafi*, in Arabic).

Ибн Хазм – *Ибн Ҳазм*. Ал-Ихкām фй ‘усл ал-ахкām [Точное изложение основ выведения норм]. В 8 ч. Байрūt: Дār ал-‘афāқ ал-джадйда, б.г. (Ibn Hazm, *Al-Ihkam fi usul al-ahkam*, in Arabic).

Ибн Хазм 1996 – *Ибн Ҳазм*. Ал-Фасл фй ал-милал ва-л-ахва’ ва-н-ниҳал [О религиозных течениях, о различных мнениях и учениях] / Ред. Муҳаммад Ибрāхйм Наср, ‘Абд ар-Раҳмāн ‘Умайра. В 5 ч. Байрūt: Дār ал-джйл, 1996 (Ibn Hazm, *Al-Fasl fi al-milal wa-l-ahwa’ wa-l-nihal*, in Arabic).

Маарри 2002 – *Ал-Ма‘аррй, ‘Абу ал-‘Алā*. Рисāлат ал-малā‘ика [Трактат об ангелах] / Ред. ‘Абд ал-‘Азйз ал-Хиндй. Байрут: Дār ал-кутуб ал-‘илмиййа, 2002 (Al-Ma‘arri, *Risalat al-mala’ika*, in Arabic).

Маварди 1994 – *Ал-Мāвардй*. Ал-Ҳāвй ал-кабйр фй фикх мазхаб ал-‘имām аш-Шāфй‘й ва-хува шарҳ Муҳтасар ал-Мазинй [«Большое собрание по фикху школы имама аш-Шафии», или комментарии на «Компендиум» ал-Мазини] / Ред. ‘Алй Муҳаммад Му‘аввад, ‘Адил ‘Аҳмад ‘Абд ал-Мавд-жўд. В 18 ч. Байрūt: Дār ал-кутуб ал-‘илмиййа, 1995 (Al-Mawardi, *Al-Hawi al-kabir fi fiqh madhhab al-imam al-Shafi’i wa-huwa sharh Mukhtasar al-Mazini*, in Arabic).

Мағриби 1908 – *ал-Мағрибй, ‘Абд ал-Қāдир б. Мусṭафā*. Китāб ал-иштиқāқ ва-т-та‘риб [Книга о происхождении слов и их арабизации]. Миср: Мактабат ал-хилāl, 1908 (Al-Maghribi, *Kitab al-ish-tiqaq wa-l-ta’rib*, in Arabic).

Марзуки 1996 – *Ал-Марзўкй, ‘Абу ‘Алй*. Ал-‘Азмина ва-л-‘амкина [Времена и места] / Ред. Ҳалй ал-Мансўр. Байрūt: Дār ал-кутуб ал-‘илмиййа, 1996 (Al-Marzuki, *Al-Azmina wa-l-amkina*, in Arabic).

Мубаррад 1994 – *Ал-Мубаррад*. Ал-Муқтадаб [Новозданное] / Ред. Муҳаммад ‘Абд ал-Ҳāлиқ ‘Удайма. 3-е изд. В 4 ч. Ал-Қāхира: [Мағāби‘ ал-‘ахрām ат-тиджāриййа], 1994 (Al-Mubarrad, *Al-Muqtadab*, in Arabic).

Муради 1992 – *Ал-Мурāдй, Ибн ‘Умм Қāсим*. Ал-Джанй ад-дāнй фй хурўф ал-ма‘āнй [Доступный урожай знаний о харфах смыслов] / Ред. Фаҳр ад-Дйн Қабāва, Муҳаммад Надйм Фāдил. Байрūt: Дār ал-кутуб ал-‘илмиййа, 1992 (Al-Muradi, *Al-Jany al-dani fi huruf al-ma’ani*, in Arabic).

Сибавайхи 1988 – *Сйбавайхи*. Китāб [Книга] / Ред. ‘Абд ас-Салām Муҳаммад Хāрўн. 3-е изд. В 5 т. Ал-Қāхира: Мактабат ал-хāнджй, 1988–1996 (Sibawayhi, *Kitab*, in Arabic).

Сиддик Хасан Хан 1985 – *Сйддйқ Хасан Хāн, ‘Абу ат-Ṭаййиб Муҳаммад*. Ал-‘Алам ал-хаффāқ фй ‘илм ал-иштиқāқ [Реюший стяг знания о происхождении слов] / Ред. Назйр Муҳаммад Мактабй. Димашқ – Байрūt: Дār ал-басā‘ир, 1985 (Siddiq Hasan Khan, *Al-‘Alam al-khaffaq fi ‘ilm al-ish-tiqaq*, in Arabic).

Тавхиди 1988 – *Ат-Тавхўдй, ‘Абу Хāййāн*. Ал-Басā‘ир ва-з-захā‘ир [Прозрения и сокровища] / Ред. Вадād ал-Қāдй. В 10 ч. Байрūt: Дār Сāдир, 1988 (Al-Tawhidi, *Al-Basa’ir wa-l-dhakha’ir*, in Arabic).

Таханави 1996 – *Ат-Тахāнавй, Муҳаммад ‘Алй*. Кашшāф истилāхāt ал-фунўн ва-л-‘улўм [Словарь терминов искусств и наук] / Ред. Рафйқ ал-‘Аджам. В 2 ч. Байрūt: Мактабат лубнāн нāширўн, 1996 (Al-Tahanawi, *Kashshaf istilahat al-funun wa-l-‘ulum*, in Arabic).

Укбари 1995 – *Ал-‘Укбарй, ‘Абу ал-Бақā*. Ал-Лубāб фй ал-бинā’ ва-л-и‘рāб [Суть вопроса о неизменяемых и изменяемых словах] / Ред. Гāзй Муҳтār Ṭулаймāt. В 2 ч. Байрūt: Дār ал-фикр ал-му‘āсир, Димашқ: Дār ал-фикр, 1995 (Al-‘Ukbari, *Al-Lubab fi al-bina’ wa-l-i‘rab*, in Arabic).

Укбари 2007 – *Ал-‘Укбарй, ‘Абу ал-Бақā*. Масā‘ил хилāфиййа фй ан-наҳв [Разногласия в грамматике] / Ред. ‘Абд ал-Фаттāх Салйм. 3-е изд. Ал-Қāхира: Дār ал-‘ādāб, 2007 (Al-‘Ukbari, *Masa’il khilafiyu fi al-nahw*, in Arabic).

Ссылки – References in Russian

Бородай 2023 – *Бородай С.Ю.* К вопросу о связи структуры языка и логико-смысловых конфигураций // Вопросы философии. 2023. № 12. С. 37–49.

Габучан 1965 – *Габучан Г.Б.* К вопросу о структуре семитского слова (в связи с проблемой «внутренней флексии») // Семитские языки. Вып. 2 (Ч. 1). Материалы первой конференции по семитским языкам 26–28 октября 1964 г. М.: Наука, 1965. С. 114–127.

Майзель 1983 – *Майзель С.С.* Пути развития корневого фонда семитских языков / Ред. А.Ю. Милитарев. М.: Наука, 1983.

Смирнов 2021 – *Смирнов А.В.* Логика смысла как философия сознания: приглашение к размышлению. М.: Издательский дом ЯСК, 2021.

Смирнов 2023 – *Смирнов А.В.* Априори языка и языкознания: слово и его минимальный сегмент // Вопросы философии. 2023. № 9. С. 167–180.

Старинин 1963 – *Старинин В.П.* Структура семитского слова. Прерывистые морфемы. М.: Изд-во восточной литературы, 1963.

Фролов 2006 – *Фролов Д.В.* Арабская филология: Грамматика, стихосложение, корановедение: Статьи разных лет. М.: Языки славянской культуры, 2006.

Шамилли 2023 – Шамилли Г.Б. Надындивидуальные механизмы языка и музыки: три шага к формулировке гипотезы // Вопросы философии. 2023. № 12. С. 25–36.

Юшманов 1928 – Юшманов Н.В. Грамматика литературного арабского языка / Ред. и предисл. И.Ю. Крачковского. Л.: Издание Ленинградского восточного института им. А.С. Енукидзе, 1928.

References

Asinag (2018) *La racine dans les langues chamito-sémitique: nature et fonction / Al-Jidhr fi al-lughat al-hamiyya al-samiyya tabi'atu-hu wa-wazifatu-hu*, Eds. Abdallah Bumalk, Karim Bensoukas, Institut Royal de la Culture Amazighe, 2018, No. 13, URL: <https://journals.openedition.org/asinag/483>

Badawi, Elsaid; Carter, Michael; Gully, Adrian (2015) *Modern Written Arabic: A Comprehensive Grammar*, Revised by Maher Awad, 2nd ed, Routledge, London, New York.

Bachra, Bernard (2000) *The Phonological Structure of the Verbal Roots in Arabic and Hebrew*, Brill, Leiden, Boston, Köln.

Bohas, Georges (2021) “Le *taṣrīf* des grammairiens arabes. Une morphologie sans morphèmes”, *Histoire Épistémologie Langage* [En ligne], Vol. 43-2 (2021), pp. 169–182, URL: <http://journals.openedition.org/hel/1319>; DOI <https://doi.org/10.4000/hel.1319>

Bohas, Georges, Guillaume, Jean-Patrick, Kouloughli, Djamel Eddin (2017) *The Arabic Linguistic Tradition*, Routledge, London, New York.

Bohas, Georges, Guillaume, Jean-Patrick (1984) *Études des théories des grammairiens arabes. 1: Morphologie et phonologie*, Institut Français de Damas, Damas.

Boroday, Sergey Yu. (2023) “On the Relationship between Language Structure and Logical-Sense Configurations”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 12 (2023), pp. 37–49 (in Russian).

Gabuchan, Grachya B. (1965) “About the Structure of Semitic Word (Regarding the Discussion of Inflexion)”, *Semitic Languages, Issue 2 (Part 1), Proceedings of the First Conference on Semitic Languages, 26–28 October 1964*, Nauka, Moscow, pp. 114–127 (in Russian).

Mayzel, Solomon (1983) *Ways of Development of Semitic Roots*, ed. Alexander Yu. Militaryov, Nauka, Moscow (in Russian).

Smirnov, Andrey V. (2021) *Logic of Sense as a Philosophy of Consciousness (an Invitation to Discussion)*, YaSK Publ. House, Moscow (in Russian).

Smirnov, Andrey V. (2023) “A priori in Language and Linguistics: Word and Its Basic Unit”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 9 (2023), pp. 167–180 (in Russian).

Starinin, Vsevolod P. (1963) *The Structure of Semitic Word. Intermittent Morphemes*, Vostochnaya Literarura Publ., Moscow, 1963 (in Russian).

Frolov, Dmitriy V. (2006) *Arabic Philology: Grammar, 'Arud, 'Ulum al-Qir'an*, YaSK Publ. House, Moscow (in Russian).

Shamilli, Giula B. (2023) “Supra-Individual Mechanisms of Language and Music: Three Steps to Formulate a Hypothesis”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 12 (2023), pp. 25–36 (in Russian).

Weiss, Bernard (1985) “Subject and Predicate in the Thinking of the Arabic Philologists”, *Journal of the American Oriental Society*, Vol. 105, No. 4 (Oct. – Dec., 1985), pp. 605–622.

McCarthy, John (1981) “A Prosodic Theory of Nonconcatenative Morphology”, *Linguistic Inquiry*, Vol. 12, No. 3, pp. 373–418.

Owens, Jonathan (1988) *The Foundations of Grammar: An Introduction To Medieval Arabic Grammatical Theory*, John Benjamins Publishing Company, Amsterdam, Philadelphia.

Yushmanov, Nikolay V. (1928) *Grammar of Literary Arabic Language*, ed. Ignaty Yu. Krachkovskiy, Leningrad Oriental Institute named after A.S. Yenukidze, Leningrad (in Russian).

Сведения об авторе

СМИРНОВ Андрей Вадимович –
доктор философских наук, академик РАН,
главный научный сотрудник
Института философии РАН.

Author's Information

SMIRNOV Andrey V. –
DSc in Philosophy, Full Member
of the Russian Academy of Sciences,
Main Research Fellow at the Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences.

CONTENTS

To the 130th anniversary of Nikolai Ivanovich Zhinkin

Tatiana G. Shchedrina, Rustam Yu. Sabancheev, Evgeny P. Zhuravel – N.I. Zhinkin in the Philosophical and Phenomenological <i>Sphere of Conversation</i> : Transdisciplinarity and Intersubjectivity.....	5
Kate I. Khan – N.I. Zhinkin: from Phenomenology towards Philosophy of Language.....	12
Ivan A. Karpenko – Zhinkin and Wittgenstein: Reality and Language.....	19

Philosophy, Culture, Society

Giula B. Shamilli – Supra-Individual Mechanisms of Language and Music: Three Steps to Formulate a Hypothesis.....	25
Sergey Yu. Boroday – On the Relationship between Language Structure and Logical-Sense Configurations.....	37
Andrey V. Smirnov – Logic-and-meaning Study of Arabic Literary Language: Morphogy vs. <i>ishtiqaq</i>	50
Dmitry I. Zemtsov – The <i>Third Mission</i> of the University? University Model as an Element of the Society Development Project.....	65
Lidija V. Vujacic – The Body in Anthropological Discourse. Social Control of the Body.....	76
Guo Xiaoli – Individual, Human, Great Whole – Understanding of Terms in Chinese Culture.....	82

Philosophy and Science

Boris I. Pruzhinin, Ruzana V. Pskhu – Methods for Studying Classical Philosophical Texts in Indian and European Thought Traditions.....	93
Vadim M. Rosin – Methodology: Historical Insight and a Fresh Start.....	103
Irina A. Rybakova – Time and Possibility in the Modern Philosophy of Natural Science.....	114
Sergei S. Merzliakov – Consciousness: between Psychopathy and Schizophrenia.....	125
Viktorija G. Lysenko – Cognition of Animal Consciousness as a Way of Human Self-cognition.....	137

History of Russian Philosophy

Konstantin Yu. Burmistrov – Russian Philosophers in China in the First Half of the 20th Century.....	155
Vitaly L. Makhlin – The Only One Among Many: M.M. Bakhtin and the Change of Paradigms in Humanitarian Knowledge.....	169

History of Philosophy

Igor A. Mikhaylov – Regional Ontologies: the Origin and Meaning of the Problem.....	180
Tatyana P. Lifintseva – Detachment and Sākṣī (the Observer): Meister Eckhart's Mysticism and Sāṃkhya Darśana.....	192

Scientific Life

Olga A. Zhukova – The Relevance of Yu.M. Lotman's Legacy: the Conclusion of the Jubilee Year.....	203
Rimma A. Kurenkova, Alexander V. Semenovich – Review of the Third Russian Aesthetic Congress: Afterword to the Scientific Event.....	212

Book Reviews

Alexander N. Danilov – VODOP'YANOV, Pavel A. (2023) <i>On the Turning Point of Epochs</i> : <i>the Choice of Strategy in Creation of Future</i>	217
Igor F. Kefeli, Dmitriy I. Kuznetsov, Igor K. Liseev, Olga V. Plebanek – Through Layers of Time, or "Philosophers' Ship" as a Russian New Brand (Review on the Book: CHUMAKOV, Aleksandr N. (2022) "Philosophers' Ship": 100 Years without Repentance.....	219